

РЕЗЮМЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СТАТЕЙ

Мехди Аминразави

Насколько Авиценновой является сухравардийская теория знания?

В своей статье автор пытается показать, что, несмотря на видимые различия и принадлежность к двум различным философским школам, Ибн Сина и Сухраварди предлагают, по сути, одну и ту же теорию знания. Он утверждает, что перипатетическая ориентация Ибн Сины и ишракитская перспектива Сухраварди представляют собой инварианты одной и той же эпистемологической установки, невзирая на то, что философские языки, посредством которых эти эпистемологии описаны, разительно отличаются друг от друга. В исследовании подробно показано, как оба мыслителя выстраивают тождественную пятиступенчатую иерархию знания:

1. Знание посредством определения.
2. Знание посредством чувственного восприятия.
3. Знание посредством априорных понятий.
4. Знание посредством присутствия.
5. Знание посредством непосредственного восприятия (мистическое знание).

Мухаммад Али Амир-Муэззи

Заметки о концепции *валāйа* у шиитов-имамитов

Ключевым понятием шиизма является понятие *валāйа* (буквально: «опека»). Шииты, как известно, называют себя *ахл ал-валāйа* («людьми опеки», т.е. «теми, кто находится под опекой [имамов]»). Суть харизмы имама, самой природы его Личности, как представляется, полностью заключена в этом понятии. В настоящей статье предпринимается попытка всестороннего анализа понятия *валāйа*, с целью приблизиться к лучшему пониманию сущности шиитской, в особенности имамитской, веры.

Отдельные разделы статьи посвящаются месту понятия *валāйа* в Коране, *валāйа* как одному из столпов шиитской веры, семантическим уровням и аспектам понятия *валāйа* (по отношению к имаму и по отношению к его последователям), а также теологическим и эсхатологическим импликациям этих аспектов.

Афак Асадова

Любовь как путь к спасению человечества

В статье предпринимается попытка показать, каким образом учение о возвышенной духовной любви (*'ишк*), разработанное суфизмом, может способствовать решению ряда сложных философских проблем, с которыми столкнулось современное человечество. Автор обращается к наследию таких выдающихся представителей азербайджанской и персидской философской мысли, как Низами Гянджеви, Шамс Тебризи, Джелал ад-Дин Руми и Мухаммад Фузули и сопоставляет некоторые выдвинутые ими положения с идеями Канта и Гегеля, пытаясь указать выход из системного и мировоззренческого кризиса, в котором оказалось человечество, на путях синтеза классической европейской и исламской мысли.

Поль Балланфа

Расхождения между Ибн 'Араби и кубравитской школой в вопросе о роли воображения

Воображение является важной проблемой в мистицизме и философии. В так называемой школе Ибн 'Араби оно рассматривается как одна из важнейших составляющих учения о единстве бытия (*вахдат ал-вуджūd*). Согласно Анри Корбену, воображение можно назвать краеугольным камнем этого учения, удаление которого повлекло бы за собой разрушение всей философской системы Ибн 'Араби. Введенное им разделение воображения на соединенное и отделенное открывает путь к переосмыслению понятия визионерского представления, *химма*, которое, в его понимании, является частью воображения.

В кубравитской школе, созданной Наджм ад-Дином Кубра, *химма*, наоборот, является средством освобождения от власти воображения и восхождения к чистым смыслам. Такое различие в понимании роли *химма*, в свою очередь, предполагает различную артикуляцию понятий *вуджūd* ([истинное] бытие) и *кави* ([тварное] бытие). Как представляется, разные трак-

товки роли воображения и визионерской способности, бытовавшие в этих двух направлениях суфизма, в дальнейшем привели к развитию двух несоместимых концепций бытия.

Надир ал-Бизри

Онтология Ибн Сины и вопрос о бытии

Онтология Ибн Сины рассматривается через призму концептуальных соотнесенностей и коннотаций его подхода к проблеме бытия в рамках трех логических модальностей (необходимости, невозможности и возможности). В своем исследовании автор останавливается на некоторых частных аспектах различения чтойности и бытия и их связи. В нем также дается критическая оценка предпринятой Авиценной попытки преодоления аристотелевской «усиологии» (онтологии субстанции) и анализируется связь философии Ибн Сины с онто-теологией, с целью подробно проследить внутреннюю диалектику его онтологии, в которой просматривается последовательная установка на первичность и фундаментальность бытия.

Даниэл Де Смет

Греческая философия и мусульманская религия: Аристотель как экзегет Корана в шиитской иσμαилитской традиции

Следуя примеру *фалāсифа*, иσμαилитские авторы разработали свою философскую экзегезу Корана, примененную (якобы или на самом деле) имамами и *ду'āt* (эмиссарами), изучение которой составляло часть «теоретического поклонения» (*ал-'ибāда ал-'илмиййа*), являвшегося обязательным условием для спасения верующего. Статья представляет собой попытку анализа механизмов, управляющих подобным философским подходом к Корану, истоков и целей этого подхода. В ней также ставится вопрос о статусе философии, в частности позднеантичного аристотелизма, в иσμαилитской мысли. Хотя философы-«язычники» редко упоминаются по имени, их методы, понятия и теории применяются иσμαилитами с целью раскрытия внутреннего смысла (*бāтин*) Корана. В статье рассматривается также концепция «философии откровения», которую исповедовали как иσμαилиты, так и «Братья Чистоты» и некоторые *фалāсифа* (например, Абу-л-Хасан ал-'Амири).

Касим Какаи

Бог Ибн 'Араби, Бог Экхарта: Бог философов или Бог религии?

Трудно дать такое определение Бога, которое включало бы в себе всю палитру разнообразных взглядов и было бы приемлемым для всех направлений мысли. На протяжении всего существования философии, от древних греков до современности, в ней бытовало много различных представлений о божестве. Но, как правило, бог философов является объектом, а не персоной, чем-то, а не кем-то; кроме того, он неизменен, абсолютен и неограничен по своей сущности. В свою очередь, бог религии, которому поклоняются верующие, является персоной, и, как персона, он мыслит, чувствует и волит. Невзирая на свою неизменность, он может сердиться на нас сегодня и быть довольным нами завтра.

Рассматривая авраамические религии в их мистическом аспекте, мы видим, что они разделяют ряд общих воззрений о Боге, которые не совместимы с теориями философов.

В статье дается краткое описание традиционного бога теизма, которому следует более пространная дискуссия о Боге с точки зрения Ибн 'Араби и Мейстера Экхарта, как выдающихся представителей мусульманского и христианского мистицизма. Автор ставит своей целью показать, как эти два мистика приходят к единству и согласию относительно бога авраамических религий, тогда как философы оказываются не в состоянии выработать единое понятие божества.

Роксана Маркот

Сухравардийское царство воображаемого

Шихаб ад-Дин Сухраварди выдвинул положение о «воображаемом» мире (*mundus imaginalis*, согласно терминологии Анри Корбена) на полвека раньше Ибн 'Араби. Это нововведение было продиктовано необходимостью предложить решение ряда онтологических и эсхатологических вопросов. В его *Хикмат ал-ширак* этот мир называется «миром светлых и мрачных подвешенных форм» или «миром отделенных от материи подобий». Именно в нем имеет место воскресение (=воссоздание) подобий и осуществление предсказанного в пророчествах. Этот мир является своего рода посредником между нематериальным миром света и физическим миром мрака.

Подвешенные формы имеют двоякий статус. В одном аспекте они, как представляется, соответствуют перипатетическим формам, схватываемым частными человеческими душами. В другом, эсхатологическом, аспекте они являются залогом загробного счастья или страдания души.

Однако для своего проявления в потустороннем мире эти формы нуждаются в некотором физическом месте проявления, поскольку без последнего, согласно принципам перипатетической философии, невозможна их индивидуация. Ссылаясь на трактат «Однажды с группой суфиев» («*Rūzī bā djamā'at-i ṣūfīyān*»), автор предполагает, что Сухраварди склонялся к тому, чтобы локализовать его в сфере Замхарира.

Хамид Наджи

Ибн Каммуна — еврейский философ школы озарения

Ибн Каммуна до сих пор известен в мусульманском мире главным образом как автор книги *Таңқиҳ ал-абҳāс*, представляющей собой апологию иудаизма. Однако он является также крупным философом-ишрамитом, которому многим обязаны некоторые более поздние последователи Сухраварди — такие как Шахразури и Кутб ад-Дин аш-Ширази. Наиболее значительными философскими работами Ибн Каммуны являются *ал-Кāишиф* (называемый также *ал-Джасид фи 'л-хикма*) и комментарий к *ат-Талвīхāt* Сухраварди.

Вторая половина статьи посвящена книге *ал-Кāишиф*, достоинства и недостатки которой подробно разобраны автором. В заключении дан сопоставительный анализ ряда отрывков из *ал-Кāишиф* Ибн Каммуны и *Дуррат ат-тāдж* Кутб ад-Дина Ширази (последний целиком включил в свою книгу естественно-научную и метафизическую часть указанной работы еврейского философа).

Шахрам Пазуки

Восток Сухраварди и Запад Хайдеггера: сравнительный анализ взглядов Хайдеггера и Сухраварди на древнегреческую философию

Сухраварди как философ Востока и Хайдеггер как философ Запада, каждый принадлежа своему времени, анализируют прошлое с целью найти истоки Запада и Востока. При этом, говоря о Западе и Востоке, ни тот ни другой не подразумевают географический смысл этих понятий. В своих поисках метафизического Востока Сухраварди направляется в Древнюю Грецию, а оттуда — в Древний Иран. В его глазах эти страны являются Востоком или местом озарения, то есть местом, откуда восходит солнце Истины.

Как полагает Сухраварди, философия озарения Древнего Ирана нашла свое продолжение в суфизме, обретя себе продолжателей в лице великих суфийских наставников, таких как Байазид Бастами и Абу 'л-Хасан Харакани. Интерес Сухраварди к Востоку обусловлен тем, что восточная мудрость озарения, как он считает, находится под угрозой исчезновения, поэтому он прилагает самоотверженные усилия для ее сохранения.

В свою очередь, Хайдеггер, который жил, как он считал, в темную эру современности, обращается к греческой философии как к истоку метафизического Запада. Оба философа считают, что переход от Софии к философии ознаменовал начало погружения в Запад или область тьмы.

Али Пайа

Образ будущего глобального общества: некоторые предложения относительно возможной исламской перспективы

В мире, где степень взаимозависимости и взаимосвязанности наций, культур и цивилизаций постоянно возрастает, необходимость создания эффективных институций для решения глобальных проблем становится все более и более очевидной. Однако задачу создания таких компетентных институций осложняет то обстоятельство, что взаимосвязанность и общие заботы не являются единственными факторами, определяющими будущее наших обществ, ибо различия между ними, проявляющиеся как множественность ценностных систем, также играют в этом процессе важную роль. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, являются современными разновидностями извечных противоречий между общим и частным, глобальным и локальным, усугубляющихся кажущейся несовместимостью противоборствующих парадигм.

Чтобы создать исправно функционирующее глобальное общество, нам следует учесть разные заботы местных общин и культур и особо чувствительные для них вопросы. В случае мусульманских стран, условием их полноценного участия в создании такого глобального гражданского общества является создание действенных локальных моделей гражданского общества, учитывающих особенности местных общин. Это особенно важно в эпоху, когда мусульманские общества остро страдают от синдрома «кризиса тождества».

В своей статье автор пытается предложить такую модель двойного предназначения, приемлемую для мусульманских обществ и общин. Выполняя обычные функции гражданских обществ, эта модель должна одновременно стать основанием для участия усвоивших ее обществ в создании действенного глобального гражданского общества.

А.В. Смирнов

Основные понятия, описывающие процедуры формирования смысла

Статья представляет собой английский перевод первой главы книги «Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», опубликованной в 2001 году. В ней в общетеоретическом плане рассматривается вопрос о существовании процедур смыслополагания и их импликациях для понимания ряда проблем современной философии языка.

Первый параграф «Существуют ли процедуры смыслополагания?» посвящен постановке вопроса о необходимости введения теоретических средств описания процедур формирования смысла, которые не попадают в поле зрения традиционных семантических теорий.

Во втором параграфе рассматриваются некоторые положения хомскианских теорий языка и репрезентационной теории языка, а также ставится вопрос о соотношении между базовыми и поверхностными структурами языка.

Жан-Жак Тибо

Мистическая любовь (*махабба*) как элемент духовного пути согласно ранним суфиям

В статье на материале работ ряда ранних (VIII–X вв.) мусульманских мистиков (Джа‘фар ас-Садик, ас-Сулами, ал-Кушайри, ал-Калабази и Сарадж ат-Туси) рассматривается мистическая любовь как элемент духовного странствия.

Первые три раздела статьи посвящены анализу употребления терминов *махабба*, *хубб*, *‘шик*, *шавк* и *иштийақ* в суфийских текстах (коранических комментариях и учебниках) указанной эпохи, особое внимание уделяя первому из них.

В четвертом разделе рассматриваются некоторые смежные темы (в частности, тема *йса‘р* — предпочтения чужого блага собственной выгоде).

Автор приходит к выводу, что практически все видные мусульманские мистики VIII–X вв., представляющие как багдадскую, так и хорасанскую школы, считали любовь необходимой составляющей духовного пути, хотя некоторые из них в педагогических целях предпочитали говорить о ней кратко и аллюзивно.

Джон Уолбридж

Литийные и оккультные произведения Сухраварди-Ишракита

Мусульманские метафизики нередко приписывали движения небесных тел и сфер движущим их ангелам. Гораздо реже они молились этим ангелам. И мало кто может предположить, что такие, обращенные к ангелам небесных сфер и светил, молитвы переписывались в медресе, и, что еще удивительнее, для личного пользования мусульманских правителей. Однако именно так обстоит дело с любопытными магическими молитвами Сухраварди.

Шахразури в своей работе *Нузхат ал-арвāх* приводит список произведений Сухраварди, состоящий из примерно пятидесяти работ. Примерно половина из них дошла до нас, хотя многие из них по сей день доступны лишь в рукописях. Семь или восемь из произведений, упомянутых в этом списке, кажется, следует определить как литийные или оккультные. В статье рассматриваются некоторые из этих произведений, которые автору удалось изучить во время работы в библиотеках Стамбула, дается подробное описание важнейших рукописей. Приводятся некоторые молитвы как в арабском подлиннике, так и в английском переводе.

Фатих Услуэр

Библейские темы в хуруфизме

Хуруфизм был основан Фадлаллахом Астарабади (казнен в 1394 г.) в Иране в четырнадцатом веке н.э. Хуруфиты привлекли пристальное внимание исследователей, в частности своими интерпретациями Корана и хадисов. Хотя их интерпретация Библии также представляется заслуживающей внимания специалистов, она пока что не изучена должным образом.

В своих работах Фадлаллах толкует ряд стихов Ветхого и Нового Завета с позиций хуруфитской философии. В статье анализируется толкование, данное им этим стихам. Хотя Коран и Библия имеют ряд общих персонажей и сюжетов, автор сознательно выбрал те библейские стихи, у которых нет параллелей в Коране.

В статье также рассматривается аутентичность встречающихся в хуруфитских работах ссылок на Библию. На основании проделанного исследования автор приходит к весьма определенным выводам об уровне библейских познаний Фадлаллаха и его учеников.

Мухаммад Фанаи Ишквари

Сухраварди и проблема знания

В работах Сухраварди отсутствует систематическая эпистемологическая дискуссия, однако в них можно найти ряд отрывков, посвященных проблеме знания. Содержащиеся в них утверждения сводятся к следующим моментам. Во-первых, Сухраварди отрицает радикальный скептицизм (отсюда следует, что всякий индивидуум обладает определенным знанием). Во-вторых, существуют некоторые самоочевидные истины, не требующие доказательств. В-третьих, есть двоякого вида знание — 1) знание посредством запечатления (*ал-‘илм ал-хусули*) и знание посредством присутствия (*ал-‘илм ал-хурури*) (как, например, наше знание о себе самих). В-четвертых, чувственное восприятие является одним из источников знания. В-пятых, помимо чувственного восприятия, существует восприятие интеллигибельное. В-шестых, высшим видом знания является знание озарения, представляющее собой знание присутствия в его совершенном проявлении.

Мухаммад Хаджави

Совершенный Человек и время

Совершенный человек, Мухаммадова Истина или «распоряжающийся остовом ворона» (т.е. Целокупным Телом) (*Футухат*. II.130:32) представляет собой уровень бытия, смежный с неограниченным бытием. Он — самое возвышенное из объективных сущих и место проявления величайшего имени Бога, которое в своем знаниином самораскрытии является источником всех других имен.

В зависимости от контекста, слово «время» может быть переведено по-арабски как *дахр* (эон), *заман* (временная продолжительность) или *вакт* (момент). Ибн ‘Араби относит первое к самому Богу, считая его одним из его имен. В свою очередь, он считает Совершенного Человека «обладателем/хозяином настоящего момента» (*сахиб ал-вакт*) и «оком времени» (*‘айн аз-заман*) (*Футухат*. II.573:19). В *Истилахат ас-суфиййа* время определяется как сообщенная (или переданная) власть (*султан*). Исходя из этого, Совершенный Человек трактуется как обладатель сообщенной власти и ее воплощение. Одновременно он рассматривается как место проявления вечностного самораскрытия, чьи свойства, однако, могут быть проявлены только во времени и посредством него.

Яко Хамин-Антила
«Западный изгнанник» Сухраварди
как художественная проза

Статья состоит из двух частей — английского перевода аллегорического трактата Шихаб ад-Дина Сухраварди «Повесть западного изгнанника» и анализа его художественной структуры. Автор рассматривает это произведение в качестве типичного образчика классической арабской прозы позднеаббасидского периода. Как подробно показано в статье, оно имеет структуру *касыды* и легко разбивается на три части, соответствующие *на-сйбу* (§ 1–14, с кульминацией в восьмом параграфе), *рихле* (§ 15–36) и *касду* (§ 37–45). Однако самой главной чертой трактата автор считает его зависимость от Корана, показывая, что в особенности его центральная часть (§ 15–23) соткана как тонкая сеть аллюзий на разные коранические темы. Эти темы можно разделить на пять групп: 1) Лот — незаконный город — наказание; 2) Соломон — Йемен — послание; 3) Зу-л-Карнейн — остров Гога и Магога — поиск; 4) Ноас — гора ал-Джуди — опасное путешествие; 5) Моисей — гора Синай — восхождение.

Джад Хатим

Сухравардийская феноменология самости

В основе статьи лежит идея, что для лучшего понимания того или другого мыслителя прошлого желательно соотнести его доктрину с учением одного из современных философов. С этой целью автор предпринимает попытку прочесть Сухраварди через призму идей французского феноменолога и «философа жизни» Мишеля Анри.

Как в сухравардийской философии озарения, так и в феноменологии Анри центральным является понятие манифестации. Как Сухраварди, так Анри не допускают возможности привлечения какого-либо образа для познания самости. Самораскрытие «я» предшествует всякому явлению и представлению в образах, и яйность не может быть чем-либо иным, как только непосредственным самораскрытием, причем самораскрытием постоянным и абсолютным.

Эпистемология Сухраварди разительно отличается от воззрений Ибн ‘Араби, учившего о том, что Бог не может достичь совершенного самопознания, прежде чем Он не увидит Себя в образе мира и Совершенного Человека. В итоге автор приходит к выводу о принципиальной близости позиций Сухраварди и Анри как мыслителей имманентности.

Заим Хинджилави

Духовное рыцарство в исламе

Тема святости в исламе тесно связана с понятием *футува*, или духовного рыцарства. Достигшие высокого уровня мистической самореализации, *фитйāн* (святые-воины) выполняли возложенную на них миссию раскрытия эзотерического смысла пророчества. Идея подобного инициатического подхода, ставящего своей целью примирение неба и земли, коренится в визионерском исламе, т.е. суфизме.

В статье показывается, как, благодаря культу оружия, коня и духовной элиты, посвящающей себя исключительно искусству войны, возникают марабутские ордена со своей особой системой ценностей, ритуалами и кодексом чести. Это военное искусство, этическим основанием которого является идея защиты притесняемых, ставит своей целью священную борьбу, под руководством святых-воинов, посредством которых Бог призывает этот мир, ради искоренения несправедливости и установления гармонии.

Стивен Хиртенштейн

«Моя тоска — по молнии и ее сверканию»: размышления о Западе и Востоке в свете учения Ибн ‘Араби

В разных местах своих работ Ибн ‘Араби предлагает читателю глубокое и вдохновляющее толкование Востока и Запада. В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты предлагаемого им символического понимания этих физических направлений, зачастую разительно отличающегося от толкования, предлагаемого другими мистиками. Автор пытается описать некоторые импликации этого понимания и проследить их влияние на наше понимание различия и тождества, а также смысла бытия совершенным человеком.

Следует обратить пристальное внимание на то, что Ибн ‘Араби, будучи уроженцем географического крайнего запада мусульманского мира, интерпретирует Запад как обиталище тайны и область сокрытия, отдавая ему, как первичному и внутреннему, предпочтение перед Востоком, как местом раскрытия и проявления. Он даже утверждает, что порок относится исключительно к востоку, то есть к миру проявленного, который является местом испытания всякого существа.

Однако в конечном итоге понятия «Запад» и «Восток» получают свой смысл лишь благодаря солнцу и его движению. Следовательно, мы должны фокусировать наше внимание на единую сущность в обоих ее аспектах — сокрытом и проявленном.